

АНДРЕЙ АНИСИМОВ
АЛЕКСАНДР САПСАЙ

БОМБА

ДЛЯ
АЛЬ-КАИДЫ

Андрей Юрьевич Анисимов Александр Сапсай Бомба для Аль-Каиды

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8738645

Бомба для Аль-Каиды / Андрей Анисимов, Александр Сапсай: АСТ;

Москва; 2007

ISBN 978-985-13-9788-0

Аннотация

Война НАЧАЛАСЬ, – и остановить ее уже невозможно.

Бешеные деньги платятся за "жареную" информацию о нелицеприятных делишках и старых грешках лидеров государств "ближнего зарубежья", – но журналисты рискуют заплатить за бойкие разоблачения СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ.

Поднял голову международный терроризм, – и взрывы самоубийц – "смертников" гремят уже по всей Европе.

Скоро ВСЯ ПЛАНЕТА превратится в сплошную "горячую точку"...

Кто остановит этот кошмар?

Возможно, обычный журналист, волею случая ставший обладателем информации, которая способна изменить ВЕСЬ ХОД ИСТОРИИ?!

На кону – жизни миллионов людей.

Ставка в игре – БУДУЩЕЕ!

Андрей Анисимов. Александр Сапсай Бомба для Аль-Каиды

От авторов

В жанре фэнтези в качестве героев своих произведений писатели редко выводят реально существующих персонажей, не изменяя их имен и фамилий. В данном случае авторы позволили себе использовать имя Юлии Владимировны Тимошенко и очень надеются, что эта умная и красивая женщина поймет мотивацию художественного приема правильно и не обидится.

Попробуем в нескольких словах пояснить, что подвигло нас к такому решению. Не случайно в ряде стран Европы и всего мира сегодня народы выбирают своих руководителей из представительниц прекрасного пола. По нашему убеждению, человечество в ближайшие годы ждет не одно суровое испытание. Женщина по своей природе мать, она на уровне подсознания относится к своим подданным как к детям и будет стараться, насколько возможно, уберечь их от беды, Естественно, и у наших дам имеются тщеславие, жажда карьеры, а также желание нравиться окружающим. Но они лишены того азарта, который часто управляет мужчинами – азарта быть первым любой ценой. Также приносим извине-

ния и Георгию Левановичу Хаиндрава, человеку по своей первой профессии творческому, на сегодняшний день занимающему пост государственного министра Грузии.

Представляя книгу на суд читателя, должны извиниться и перед ним. Действие романа происходит в недалеком будущем и рассказывает о событиях, способных кое-кого испугать или возмутить. Очень надеюсь, что реальное развитие истории не станет повторять сюжетных коллизий литературного произведения. Но что бы нас не ждало впереди в России, на Украине или в Грузии, наши народы должны жить в мире, уважая интересы друг друга. И если данная книга хоть на долю сантиметра послужит этой цели, авторы свою творческую и гражданскую миссию вправе считать удавшейся.

Днепропетровск. Отель «Парус».

Из записной книжки Игоря Клименко.

11 октября 2010 года.

Итак, я в Днепропетровске. Поселился в «Парусе» на двадцатом этаже. Отель строили почти сорок лет и, наконец, кажется, закончили. Везде пахнет свежей краской, но подомной Днепр. В ресторане гостиницы цены астрономические. Раскошелился на яичницу и чай. Вернулся в номер. Заказчик выдал мне список людей, у которых я должен взять интервью. Первой в списке значится Зося Голопупенко. Рядом с цифрами телефона стоит фамилия, которую я должен ей

назвать. Звоню по первому номеру. Называю себя и эту фамилию. Мне тут же предлагают приехать. Записываю адрес и выезжаю.

Днепропетровск. Улица Шмидта.

11 октября 2010 года.

Интервью с «однокашницей» Зосей

Дверь открыла полная женщина с огромной грудью. Я даже испугался. Столько прелестей и так близко. «Ты кто?» – спросила она, преградив дорогу в свои апартаменты. Я слышал, как в квартире орали дети, а из кухни несло борщом. Я назвался и назвал имя Макара Дыбы. Она сразу заулыбалась и отодвинула могучий торс, давая мне дорогу. Везде висели, лежали и свешивались ковры. На комод, в окружении хрусталя и дорогой безвкусицы, сверкали золотом и глазурью фарфоровые стаканчики в виде рыбок, а в простенке едва умещался огромный экран японского телевизора – днепропетровский бомонд уважал размах. Меня усадили в кресло, предварительно согнав с него огромного кастрированного кота Тараську, и захлопнули дверь к орущим детям.

– Мне о тебе говорили. Ты москаль? – Я промолчал. – И я не хохлушка. Родители тут с войны осели.

– А я как раз украинец. Отец учился в МГУ, женился и остался в Москве.

– Неважно. Жрать будешь?

– Спасибо, я сыт.

– Напрасно, а то борща насыплю. Гарный борщок Дунька сробила.

Я удержался, хотя назвать свой завтрак плотным никак не мог.

Она сняла фартук и уселась напротив. Огромные груди без фартука выглядели еще монументальнее. Я включил диктофон:

– Мне сказали, что вы вместе учились. Можешь о ней рассказать?

– О премьерше, что ли? Покоя от вас нет. То один борзописец домогается, то другой. Я жинка застенчивая. Мне гутарить дюже трудно. – Она явно наслаждалась своей ролью, но пыталась скрыть это и набить себе цену. Маленькие заплывшие глазки буравили мне внутренности. Мне казалось, что моя слепая кишка скручивается от ее взгляда. – Да чего о ней гутарить? Училась она через пень колоду. Все больше что-нибудь спереть старалась. Оне же с матерью голодранцы. Жили без чоловика, як попрошайки... За гарну отметину с пятнадцати року готова была под учителя лечь. Уж не упомяну, кода по рукам пошла. С детства этим местом и робила. И так до самого верху.

Я опешил. Такое о первой леди державы не всякий журналист переварит.

– Больно у тебя все просто. Значит, этим местом, говоришь? Что же, оно у нее золотое или платиновое? Ваши хох-

лушки у нас на Тверской за двадцать долларов стоят, а премьер-министров из них что-то не получается.

Она на секунду задумалась. Глазки забежали, оставив в покое мою прямую кишку. Но быстро нашлась:

– Надо знать, кому давать, мил человек. Вот в этом она дюже разбиралась.

Я не верил своим ушам! Если так и дальше пойдет, я скоро отработаю аванс. Но что-то меня насторожило. Показалось, что ответами бабы руководила или черная зависть к бывшей однокашнице, или это хорошо поставленный и отрежиссированный кем-то номер. На такой примитив я не рассчитывал, но игра требовала продолжения. И я продолжил:

– Что же люди ее на руках носят? Особенно сейчас? Во время Большой войны не до сантиментов. Я слышал, многие связывают с ней надежду выжить.

Она посмотрела на меня, как на несмышленного ребенка:

– Со страха и с чертом кохаться станешь. Народ эвон как напуган.

Я не сдавался:

– У вас не такой большой город, как же она с репутацией малолетней потаскушки замуж вышла? Уж, наверное, отец жениха справки о будущей невестке навел? Возможности у него были.

На этот раз она раздумывала дольше:

– Эта проשמандовка и под тестя подлегла. А чоловік исть чоловік. Начальник зврсегда кобель. А она молодэнька бы-

ла, складнэнька. Вот и попала в семью. А потом долго грехи замаливала, на церковь жертвовала. Денег не жалела, щоб от грязи отмазаться.

– А деньги откуда? При муже на панель не пойдешь.

– Людей дурила. Клубы пооткрывала, кино. Потом их семейство бензин прихватило. Мой-то батька проморгал, а они нет. А уж когда хватился, поздно было. Весь Днепропетровск под ними.

В это время в детской раздались жуткий грохот и отчаянный визг. Несмотря на свои объемы, хозяйка мячиком подскочила с кресла и метнулась на крик. Через минуту вывела за ухо заплаканное чадо.

– Подывитесь на внучка. Не успела отвернуться, пальму раскокошил, сатаненок.

Я выключил диктофон и поднялся:

– Спасибо. Вы мне очень помогли.

Она еще раз предложила «насыпать» мне борща и проводила до парадного. На пороге я решил уточнить:

– Вы с первого класса вместе учились?

– С этой гадюкой!?

Я сформулировал иначе:

– С премьер-министром вашей страны?

– Ни, я с ней вообще не училась. Мы с Запорожья приехали, когда она уже в институт пристроилась. Люди про нее шушукались. Ты же сам гутарил, что у нас город небольшой. Тут правды не схоронишь.

Москва. Проспект мира.

Квартира писателя Игоря Клименко.

11 ноября 2010 года

«Она обыкновенная блядь, и твоя задача, чтоб об этом узнали все.

– Если обыкновенная и все так просто, за что пятьдесят штук баксов? Мне в издательстве платили в пять раз меньше, и я считал, что это совсем неплохо.

– Во-первых, за скорость, а во-вторых, за риск. Если она пронюхает, тебя шлепнут.

– Все так серьезно?

– В наших делах разное бывает. Политика штука тонкая», – вспомнил журналист свой разговор с заказчиком.

Игорь Васильевич Клименко вернулся в Москву утром. Бросив в прихожей старенький чемоданчик с примотанной изолентой ручкой и прихватив кипу корреспонденции, скопившейся в почтовом ящике, прошел в кабинет и, не раздеваясь, уселся в кресло. Он давно не занимался журналистикой, зарабатывая себе на хлеб сочинением фантастических романов. Его уже заметили, и определенный круг читателей с нетерпением ожидал очередной книги. Но началась Большая война, и книги покупать перестали. Клименко попытался вернуться в газету, но как журналиста его успели забыть и предлагать работу не спешили. И даже протекция

близкого друга Тимофея Старкова не помогла. А Старков себе уже заработал имя фронтовыми репортажами. Вся страна знала, что его ранили и он по ранению в отпуске. И в газете с его мнением считались. Игорь Клименко мечтал о фронте и готов был отправиться в самую пасть Аль-Каиды. Но свободных средств на содержание второго спецкора редакция не имела, и Клименко вежливо отказали. Жить стало не на что, а тут такое предложение.

Возможно, если бы только деньги, он бы и не согласился. Денег заработать неплохо, но пачкать свое имя, ввязавшись в политические игры пусть даже другого государства, ему претило. Заказчик сомнения сочинителя заметил и, видимо, ход его мыслей уловил верно: «В качестве премии обещаю вам место спецкора в одной из центральных газет. Вы же рветесь на фронт?»

И сочинитель не устоял. Командировка закончилась, и хоть аванс лежал в ящике письменного стола, Игорь понимал, что к этим деньгам не притронется. Оставалось сдать свою квартиру и переехать к отцу.

Сидя в кресле, он пытался понять, почему же сразу не сообразил, с кем имеет дело. А собственно, что он ждал? Ему же при встрече объяснили установку. Она обыкновенная и все такое. А причина была и гораздо серьезнее, чем деньги и обещание работы. Эта женщина поддерживала связи с ультранационалистами. А их Игорь ненавидел с детства. Политика, который не стесняется использовать черносотенные

знамена, Клименко считал врагом.

В кабинете пахло застарелым куревом и давно не проветренным жильем. Он встал, распахнул балконную дверь, машинально нащупал в кармане пальто пачку сигарет. Балкон занесло снегом, и на нем осталось множество птичьих следов. Воробьи и голуби, привыкшие, что их тут подкармливают, продолжали прилетать, хотя он уже месяц как отсутствовал. Месяц назад еще и снега не было.

Клименко тогда ответил заказчику: «Не знаю, что получится. Я и газету тогда бросил, потому что надоело заниматься «чернухой». И от политики давно отстал».

Заказчик зло хохотнул: «Политика это деньги. Ею занимаются воры, проститутки, аферисты, иногда фанатики. Публика как раз для беллетриста». Игорь помнил, что его это заявление покорило, и возразил: «Простите, но я не считаю нашего президента ни вором, ни аферистом, а уж тем более проституткой. Он может мне нравиться или нет, это другое дело, но уважения он заслуживает хотя бы как военный летчик. Он своей жизнью рисковал».

«У вас президент кадровый вояка, а вовсе не политик. Его назначили, он исполняет. Может быть, москалям в случае с ним повезло. Москву пока не бомбят. Но давай ближе к делу».

При первом разговоре Клименко подметил – заказчик тип неглупый, но законченный циник. Это был красивый мужик, моложе полтинника, но значительно старше сорока. Климен-

ко дал бы ему лет сорок семь. Виски у него начинали сесть, но морщин почти не намечалось, и глаза из-под светлых бровей смотрели на мир молодо и нагло. Говорил по-русски он совершенно чисто. И даже буква «г» звучала в его устах по-московски, а вовсе не по-хохлацки. Хохла «г» произносят по-особенному.

После согласия литератора взяться за работу заказчик вынул конверт, раскрыл его и, показав пачку долларов, протянул ему: «Возьми аванс. Сделаешь работу, тут же полностью рассчитаюсь. И не забудь о сроках – в мае у нас выборы президента».

Материалов Клименко собрал достаточно, но садиться писать не собирался. После встречи в Киеве с Сергеем Павловичем Снегирем у него созрел план совершенно другого репортажа, но заказчику это бы не понравилось.

Застарелого табачный дух смешался с морозным сквозняком улицы. Он выбросил окурок, закрыл балконную дверь и, наконец, снял пальто. Рабочий стол, заваленный бумагами, никто не трогал с его отъезда. Игорь прошелся по квартире. В спальне полный порядок. Только женский халат на спинке кровати. «Галку недавно приводил», – подумал он о друге, которому оставил ключ. Тимофей после ранения получил в газете отпуск и мог наслаждаться встречами со своей возлюбленной. Отношения с женой у него давно перешли из лирических в родственные. Они дружили, но каждый жил своей жизнью. Тимофей встретил Галю.

«Везде убралась, а в кабинет не входила. Знает, что не люблю». На кухне тоже все прибрано, даже посуда, которую он так и не вымыл, теперь сияла чистотой в шкафу.

«Решится на второй брак, получит в хозяйки чистюлю», — усмехнулся Игорь, достал кофе, насыпал в кофейник, залил водой и, поставив на плиту, вернулся в кабинет. Долго смотрел в окно. «Вот у Тимофея с Галей любовь. Им хорошо, а я всегда один». Встретится ему девушка, понравится, он месяц-другой проводит с ней в охотку, а потом начинает скучать. Все молодые женщины через определенное время хотят замуж. Даже если они не высказываются вслух, об этом говорят их глаза, вздохи, рассказы о детях и счастье отцовства. А Клименко терпеть не может детей. Они его утомляют. К тому же он холостяк. Художнику обременять себя семьей опасно. Да и скучно это до чертиков. Вместо любимой женщины через полгода рядом с тобой привычная вещь.

Игорь уселся в кресло и посмотрел на календарь. Он остался открытым на странице «10 октября 2010 года». Вырвал тридцать страниц, бросил в корзину и взял телефон. Надо было сообщить другу о своем возвращении. А то прилетят голубки, а гнездышко уже с птичкой. Но вместо этого позвонил заказчику.

– Здравствуйте, Иван Иванович, Клименко беспокоит. Извините, но я решил от работы отказаться. Можете забрать аванс. Ваших денег я не тратил. – Положив трубку, открыл ящик и, запустив руку в его дальний конец, достал конверт

с долларами. Бросил его на стол и разложил газеты, что скопились в ящике. Из кухни запахло горелым. Он вспомнил о кофейнике и бросился туда. Кофе выкипел и залил плиту. «Вся Галина работа насмарку». Выругался, вернулся в кабинет и уткнулся в газету. За месяц, что его не было, многое изменилось. Армии «Аль-Каиды» уже стояли на границах России. Американцы доигрались. Они подготовили переворот в Узбекистане, назвав его «Розовым туманом». Но толпы на улицах вскоре сожгли розовые флаги и подняли зеленые. Да и цвет толпы тут же изменился. Из пестрой и разноцветной клумбы она превратилась в черный саван. Тут же активисты движения «Новый Восток» начали раздавать автоматы. Из манифестантов вербовались боевые отряды. Диг Хан итак собрал под свои знамена десятимиллионную армию, теперь в нее влились и узбеки.

«Интересно, сколько времени наш президент сможет удерживать нейтралитет?» – подумал Клименко и услышал звонок в дверь.

«Так и не позвонил другу. Сейчас будут неловко топтаться в прихожей. Пришли потрахаться, а тут я»... Он подошел к входной двери и, не спрашивая, распахнул ее. На пороге стоял заказчик, рядом с ним два молодых парня в длинных красных пальто. Яркие мужские наряды вошли в моду с осени 2009 года.

– Так скоро? – Удивился Игорь.

– Да, раз вы отказываетесь, должен незамедлительно вер-

нуть деньги. Я плачу не из своего кармана. Вот и кассиров привел.

– Пожалуйста, проходите.

Гости, не раздеваясь, прошли за ним в кабинет. Клименко взял со стола конверт и протянул заказчику. Тот кивнул на кассира:

– Это ему.

Игорь Васильевич протянул конверт молодому человеку и увидел, как «кассир» извлек из кармана пистолет с длинным дулом.

«Глушитель», – догадался сочинитель, вовсе не удивившись:

– Мы так, кажется, не договаривались... – Успел сообщить он посетителям и получил пулю в лоб. Второй «кассир», не обратив внимания на труп хозяина, спокойно подошел к компьютеру, включил его и пощелкал мышкой:

– По теме ничего.

– Смотри внимательно. Береженого бог бережет. Ищи диктофон и пленки, – распорядился заказчик, открывая по очереди все ящики письменного стола и по ходу знакомясь с их содержимым: – Тут тоже нечего.

Втроем они медленно обошли квартиру, заглянув даже в туалет.

– Похоже, и тут ничего, – констатировал один из «касси-ров».

– Я ему советовал записей не делать. Может, и послушал-

ся, – ответил Иван Иванович, направляясь к выходу. Но в прихожей задержался, открыл потертый дорожный чемоданчик Клименко, увидел скомканное белье. Прихватив чемоданчик с собой, посмотрел в дверной глазок и выбрался на лестничную площадку. Два «кассира» последовали за ним. Напротив подъезда их ждала большая черная машина. Троица перешла улицу, уселась в нее и быстро уехала.

Вашингтон.

Арлингтонское Мемориальное кладбище.

11 ноября 2010 года.

Фил Далисенсен в ветровке выглядел далеко не столь внушительно, как в синей генеральской накидке. Навеща могилу сына в холодную погоду, он обычно приезжал на Арлингтонский холм, небрежно набросив синюю накидку на плечи, под которой виднелся белый китель. Белая светская форма отца, Гарри очень нравилась. Даже больше, чем вечерняя парадная. У нас сложилось мнение, что американские военные относятся к знакам воинский различий весьма фривольна, да и жесткой дисциплины не признают. Это мнение в корне неверно. В вооруженных силах Соединенных Штатов к ритуалам, и всевозможным формальностям придираются куда больше. Это касается и формы. Даже для генерала явиться на вечернее мероприятие в дневной светской форме нонсенс, а офицерам более низких чинов это грозит серьезными взыска-

каниями. И если у российских военачальников существует форма на каждый день, или парадная, то у американских генералов разновидностей одежды гораздо больше. Светская белая форма сыну Фила нравилась особенно. Может быть, именно из-за нее Далисенсен-младший и мечтал дослужиться до генерала. Но Большая война оборвала мечту сына вместе с его жизнью. В память об этой мечте Фил и навещал могилу в белом кителе. Но сегодня он не желал выделяться. В американской армии и генералы, и сержанты носили одинаковые ветровки. И только полосы на брюках да герб на меховой шапке для внимательного прохожего открывал генеральский чин посетителя мемориального кладбища.

Генерал стянул с руки перчатку, бережно положил на гранитную плиту белую хризантему, постоял немного, привычным жестом пригладил выющиеся рыжеватые волосы, надел шапку и медленно пошел к выходу. В конце «Аллеи героев» его уже ждал Майкл Славски. Тот в своей конспирации зашел еще дальше. Он явился в штатском. Но темно-серое пальто и мягкая широкополая шляпа не могли скрыть стати боевого генерала. Майк прилетел на две недели в отпуск из Юго-Восточной Азии и успел там загореть до цвета золотистого шоколада. Загар шел к его красивому, мужественному лицу, и Майкл выглядел великолепно. Но Фил прекрасно понимал, что этот загар коллега получил не на пляжах Полинезии, а в пустынях Кувейта, где каждый день рисковал жизнью. Славски служил в армии не для чинов и не для де-

нег. Бригадный генерал был сказочно богат и мог позволить себе целыми днями играть в гольф и флиртовать с женщинами, но вне армии себя не мыслил. Он сам напросился на один из самых опасных фронтов Большой войны. Раньше он служил в Калифорнии, командуя одной из военных баз на границе с Мексикой. Но после того как террорист-смертник подорвал его жену, подал рапорт с просьбой отправить его на передовую.

Генералы молча пожали друг другу руки. Со стороны могло показаться, что встретились не слишком близкие приятели. До недавнего времени так и было. Их сблизило горе и ненависть. У Фила Далисенсена аль-каидовцы убили сына, у Майкла Славски отняли любимую жену.

– Где Эндрю и Рой? Ты с ними не встретился? – Спросил Далисенсен, натягивая перчатку.

– Коновер мне позвонил. Они немного опоздают. Самолет Роя приземлился чуть позже.

– Странно... Полковник всегда отличался пунктуальностью.

– Что-то его в Неваде задержало. Но они уже в пути. Думаю, пока мы дойдем до стоянки, подкатят.

Генералы не спеша двинулись по аллее.

– Я рад, что Эндрю согласился встретить Роя. – Сменил тему Фил Далисенсен: – Они ведь едва знакомы. А по дороге познакомятся поближе. К тому же я попросил Эндрю в общих чертах обрисовать наш замысел. По телефону я многого

сказать, как ты понимаешь, не мог.

– Неважно. Рой тоже потерял близких при воздушном налете Аль-Каиды. Нас всех объединяет одно – желание уничтожить этих обезьян. И сделать это как можно скорее.

– Сделаем. Пяток таких ковбоев, как мы, способны надрать задницу обнаглевшим мартышкам.

Майкл тут же вскипел:

– Если бы не слюнтяйство президента и не ханжество Конгресса, мы давно бы с ними покончили. А теперь обезьяны того гляди сделают Бомбу!

– Откуда ты знаешь? – Удивился Фил: – От своего родственничка в ФБР? – Информированность коллеги удивила штабного генерала не случайно. На днях в штабе получили шифровку с грифом секретности номер один. В ней говорилось, что Диг Хан либо уже имеет ядерную бомбу, либо вот-вот получит. Правда, речь шла всего об опытном образце, к тому же не слишком большой мощности, но велика беда начало. А том, что кто-то еще мог знать об этом, Фил не подозревал.

– А ты думаешь, только штабные крысы вроде тебя в курсе секретов Диг Хана? – Усмехнулся Майкл, сверкнув крепкими белоснежными зубами. При его загорелом лице ослепительный оскал прямо-таки просился на рекламный слайд. Внезапно лицо Майкла посерьезнело, и он повернул голову в сторону площади перед мемориалом: – Гляди, кажется, они приехали.

Фил посмотрел на площадку для парковки и увидел темно-синий «Кадиллак», лихо вписавшийся в щель между машинами.

– Да, это синяя птичка Эндрю.

Огромный Эндрю Коновер с трудом разогнулся, выбравшись с водительского кресла. Заместитель начальника генерального штаба вообще приехал в кожаной куртке с меховым воротником и в джинсах. Один Рой Каллари прибыл в летной форме полковника ВВС. Эндрю пожал генералам руки, Фил с Роем обнялись. Они дружили еще со времен летной Академии и давно не виделись.

– Армия Соединенных Штатов в сборе? – Пошутил Майкл: – Куда отправимся? К Вашингтону на Марриот-стрит или куда-нибудь к французам?

– Мне все равно. Можно и на Марриот-стрит, – согласился Коновер.

– Нет, парни, в ресторан мы не пойдем, – отказался Фил Далисенсен: – Нам не нужна прослушка. Лучше прогуляемся к Джону. Я уверен, при нем нам бы не пришлось вести себя, как заговорщикам. – Джоном они называли Джона Кеннеди, прах которого покоился здесь же, на Арлингтонском холме.

Возле вечного огня в честь убиенного президента собралась небольшая толпа. Четверо военных встали поодаль. Фил заговорил первым:

– Итак, друзья, все мы в теме. Полковника Каллари я знаю много лет и полностью ему доверяю. Он настоящий янки, и

на него можно положиться.

– Никто из нас в этом не сомневается, – белозубо оскалится Майкл.

Фил кивнул:

– Итак, к делу. На базе Роя имеется русский истребитель-бомбардировщик «Су-34». Он давно не поднимался в воздух, но думаю, привести его в боевую готовность не проблема. – Все посмотрели на полковника. Рой не возражал, и Фил продолжил: – Завтра мы втроем вылетаем на Украину. Это частный визит по приглашению их министра обороны. Я с этим парнем познакомился, когда они с военной делегацией прилетали кланчить «Миними» для своих десантников. Прослышали, что мы подарили некоторое количество этого старья грузинам. Ну и так далее. Мы дали. Я лично поддержал просьбу министра. Сам министр тогда наварил на этом деле около миллиона долларов. Получил бесплатно, а со своего премьера содрал деньги.

– Хороший мальчик. Его бы в Перу главным по борьбе с наркотиками. – Ухмыльнулся Эндрю Коновер.

– Не будем отклоняться от темы. – Поморщился Фил: – Итак, мы летим в Киев. В программе обед в загородной резиденции их президента. Он там пешка, всем заправляет дамочка премьер-министр. С ней надо держать ухо востро. Говорят, хитра.

– Хитра, а твой министр ее облапошил? – Ехидно вставил Майкл Славски.

– Доверяет своей команде. – Раздраженно пояснил Далисенсен: – Но мы к ее команде не относимся. Итак, я уверен, что за пару миллионов долларов этот парень выдаст нам парочку классных украинских летунов.

– Ты думаешь, на такие деньги он клюнет? – Удивился Майкл. Я понимаю, лет пять назад, два миллиона и для министра деньги. А сегодня что на них купишь?

– Вполне приличную недорогую машину. Он же украинец... – Ответил Фил, словно объясняя все нюансы национальностью взяточника.

– Но «СУ-34» аппарат русский. – Напомнил Филу полковник Каллари: – При чем тут украинские летчики?

– Раньше они там все были русские. И все летали на русских машинах. – Усмехнулся Эндрю Коновер.

Фил не желал спорить:

– Хватит, парни. У меня есть данные о двух конкретных офицерах – летчике и штурмане-операторе. Эти двое то, что нам надо. И не перебивай меня больше, Рой. Сначала дослушай.

– Прошу прощения, мой генерал. – Извинился полковник.

– Извинения приняты. Если нам удастся в Киеве договориться, украинские летчики прилетят прямо на базу «Пикирующие святоши». Ни в ФБР, ни в ЦРУ об этом знать не должны.

– Как это можно скрыть? – Удивился Рой.

– Мы ничего скрывать не будем, но не станем и афиши-

ровать. Официально они придут к нам в рамках президентской программы по обмену опытом с представителями дружественных армий. Документ мы в штабе подготовим. Несколько чиновников ЦРУ поддерживают нашу операцию, а дальше уже, Рой, твои проблемы. Выдашь украинцам боевое задание и пообещаешь денежную премию по полмиллиона на душу. Для них это несметное богатство.

– Откуда деньги? Поинтересовался полковник. Управляя военно-воздушной базой, он неплохо разбирался в головах военного финансирования. Подобными премиальными средствами фонд его базы не располагал.

Фил кивнул в сторону Славски:

– Майкл выкладывает пятнадцать миллионов из своих личных капиталов. Одних украинцев на задание посылать нельзя. С ними полетит твое звено. Подбери ребят и положи на их счет по пять миллионов каждому.

Майкл решил уточнить:

– Эти деньги я выделяю именно на премию. На саму операцию понадобится гораздо больше. Я к этому готов.

Рой быстро подсчитал в уме:

– А что останется русским?

– Не русским, а украинцам. – Поправил Фил.

– Какая разница... – Отмахнулся полковник: – Ты же сам сказал, раньше все там были русскими.

– Разница огромная. Использовать русских самоубийство. Это скандал на весь мир, а для нас электрический стул. Укра-

инцы другое дело. Молодая страна, дисциплины в армии никакой. Летчики проявили личную инициативу.

– Здесь вопрос тонкий, чисто политический. – Поддержал Фила Эндрю Коновер: – Русские пока умудряются не вступать в войну. Представляешь, как ониотреагируют на подобную акцию?!

– Хорошо, генералы. Это я понял. Не понял, как поделить пятнадцать миллионов на пятерых, если троим выплатить по пять? А двое украинцев с чем останутся?

Фил усмехнулся:

– Трое твоих и получают по пять, чтобы этих двоих после задания не стало. Неужели непонятно? За простой боевой вылет таких денег не платят. Одна ракета – и их нет.

Полковник Рой Каллари достал из кармана платок, вытер со лба испарину и задумчиво произнес: – Это, генералы, самый трудный пункт в вашем плане.

– Ты же опытный офицер. Постарайся справиться с задачей. Свидетели нам не нужны. – Белозубо улыбнулся загорелый красавец Майкл: – Чтобы навсегда покончить с проклятыми обезьянами, стоит пожертвовать двумя иностранными парнями. Я же не жалею для этой благородной цели своих миллионов.

– Когда я буду знать о прилете русских? – Спросил Рой.

– Как только мы вернемся из Киева. – Ответил генерал Далисенсен и на сей раз не стал указывать полковнику, что русские и украинцы два разных народа: – А теперь, пар-

ни, поклонимся праху Джона, попросим его благословения и разойдемся. Мозолить глаза всей компанией не в наших интересах.

Вернувшись к парковочной площадке, мужчины расселись по машинам и разъехались в разные стороны. Все они, за исключением полковника Роя, имели в столице своих адъютантов и водителей, но на эту встречу каждый рулил сам.

Рой Каллари нанял такси. У него в Вашингтоне жила приятельница Кристина. До вылета в Неваду у командующего военно-воздушной базой «Пикирующие святоши» оставалось пять часов свободного времени, и он намеревался провести их достойно.

**Москва. Проспект мира.
Квартира Игоря Клименко.
12 ноября 2010 года.**

Возле подъезда она нерешительно остановилась. Тимофей Анатольевич пультом запер свой «Матис», взял Галю под руку и шагнул к парадному. Галя не двинулась.

– Что с тобой, лапа?

– А вдруг он приехал?! Неудобно, Тема, – ответила она и покраснела.

– Галка, ты чего? Игорек же свой парень! Мы с ним с третьего класса не разлей вода. Нашла кого стесняться?! И потом, если бы приехал, позвонил бы. Он же знает, что у меня

комплект ключей. И неудобства в этом я не вижу. Мы же отработываем, ухаживая за его престарелым батюшкой. Особенно ты. – Она не ответила, но больше не сопротивлялась. Они вошли в подъезд. На шестой этаж поднялись на лифте, и он отпер замок. Впустив Галю, для порядка крикнул в глубину квартиры:

– Игорь, это мы! Игорек, ты здесь? – Ответа не последовало. Тимофей Анатольевич снял с Гали пальто, размотал шарф и поцеловал в губы. Подруга приняла его поцелуй, но не ответила. Ее не оставляло чувство неловкости, и встреча с любимым еще не нашла отклика в ее женском естестве. Одной рукой продолжая обнимать Галю, Тимофей Анатольевич другой повесил ее пальто на вешалку.

– Пойдем скорей в спальню. Я соскучился. – Она не возражала. Но и в спальне, когда он начал ее раздевать, оставалась скованной.

– Подожди, Тема. Дай, я хоть в душ схожу.

– Лапа, ты мне и так нравишься, – возразил нетерпеливый любовник. Но она высвободилась из его объятий и, прихватив с постели халат, который оставался здесь с их прошлого свидания, убежала из комнаты.

Он тут же разделся и, отбросив одеяла, улегся на постель. Его нетерпение проявилось весьма наглядно, но любовника это не смущало. Их роман длился уже второй год и перешел из стадии романтического ухаживания в полусемейную идиллию. Если Галю это и не вполне устраивало, Тимофей

Анатольевич своим двусмысленным положением не тяготился. Он прожил с супругой пятнадцать лет, и последние пять они сосуществовали как два приятеля или родственника. Каждый жил своими интересами и своим кругом. Им обоим не хотелось ничего менять в ходе устоявшегося быта. С начала Большой войны они по-человечески сблизились. Но это была уже другая близость, к лирике отношения не имевшая. Его жена Даша, скорее всего, догадывалась о неверности мужа, но ревности не проявляла. Она, кажется, вообще на эту тему не имела мыслей.

Галю же, как всякую нормальную женщину, затянувшийся статус любовницы смущал. Она изредка поднимала щекотливый вопрос о браке, но откровенно настаивать на разводе Тимофея с Дашей не решалась. Особенно после того как он уехал военным корреспондентом на фронт. К тому же лишних денег ни у него, ни у нее не водилось, и о покупке квартиры оба мечтать не могли. Призывать же любимого к разделу семейного жилья ей в голову не приходило. Зная Тимофея, она догадывалась, что он этого делать не будет, и в душе была с ним согласна. Она и любила Тему за широту и отсутствие в коре его мозга меркантильной ячейки. А сама жила в малюсенькой квартирке с астматической мамой и пригласить его к себе и вовсе не могла. Так и тянулся их роман, застыв в переходной стадии. Иногда ездили на выходные к нему на дачу, иногда он выпрашивал ключи у друзей. Тема вернулся из госпиталя, и они снова стали встре-

чаться, где придется. С Клименко им повезло. Тот отсутствовал уже месяц, и любовники, наконец, смогли уже в Москве насладиться обществом друг друга без спешки и нервозности. Но хозяин квартиры два дня назад прислал Теме электронное письмо, сообщив, что его командировка подходит к концу. Игорь Клименко, будучи тактичным человеком, понимал, что, вернувшись без предупреждения, может поставить друга и его приятельницу в неловкое положение.

Утром Тема несколько раз ему звонил и, не застав дома, решил, что сегодня они еще разок смогут воспользоваться гостеприимством хозяина в его отсутствие.

– Господи, хоть бы простыней накрылся, – среагировала Галя на откровенный призыв возлежащего на постели друга. Но, оглядев свежий шрам возле левого плеча, тяжело вздохнула:

– Бедненький ты мой...

– Ладно, иди ко мне. Сколько можно копаться! – Поторопил возлюбленную Тимофей Анатольевич, с трудом дождавшись, пока она присядет на постель. Наконец получив желанное тело, он наслаждался обладанием, не слишком заботясь об ответной женской реакции. Ему было хорошо, а она еще заведется. Гале часто требовалось гораздо больше времени для интимного настроения. Но сегодня ее отстраненная податливость затянулась. Удовлетворив первый накат страсти, он спросил:

– Ты чего сегодня, как неживая? Со мной после ранения

что-то не так?

– Так? Не так? – Мы же не в Киеве, на майдане... – Улыбнулась Галя: – Ты доволен, значит все так.

– Чего это ты вдруг Хохляндию вспомнила? – Удивился Тимофей Анатольевич, не поняв странной ассоциации любимой.

– На носу юбилей их Оранжевой революции. У нас передовую о них дали с премьером на обложке. После того как турки совершили военный переворот, черноморский нефтепровод попал «Аль-Каиде» в руки. Понимаешь, что это значит? Снова приходится договариваться с хохлами. Вот и передовицу о них выдали.

– Понимаю, чего тут не понять. Они же все-таки братья славяне. Припрет, договоримся. Да хрен с ними, с нефтепроводами. Лучше поцелуй меня как следует...

Она приподнялась и прислушалась:

– Подожди, ты не слышал шороха в коридоре?

– Нет. Чего ты дергаешься? – Тревожная рассеянность любовницы начинала его раздражать. Тимофею Анатольевичу хотелось ее восхищения, ее нежного томления рядом. А она оставалась зажатой и отстраненной, да еще цитировала передовицы их газеты.

– Не знаю, Тема. Сама не понимаю, что со мной? Мне кажется, мы здесь не одни.

– У тебя глюки. Слишком много работаешь. Давно советовал уйти.

– Что значит уйти? Ты нас двоих не прокормишь. И чего ради я должна сидеть на твоей шее? Кстати, на мне еще мама...

– Найди работу в журнале, в еженедельнике. Когда номер выходит не каждый день, это все же не такой сумасшедший дом, как в ежедневной газете.

– Не надо сейчас об этом. Мне все же кажется, что в квартире кто-то есть.

– Кажется – перекрестись. Если злодей и прячется, то только в кабинете Игоря. – Усмехнулся Тимофей Анатольевич и взял ее за грудь. Она отстранила его руку и поднялась. Он лег на спину и, чтобы не сорваться на грубость, стал смотреть в потолок. Галя набросила халат и вышла из спальни. Отсутствовала она долго. Сначала он продолжал злиться, потом забеспокоился и поднялся сам. Не одеваясь, вышел из спальни. В квартире стояла гробовая тишина. Он открыл дверь в кабинет хозяина и увидел Галю. Она лежала на ковре, халат раскрылся, обнажив ее красивое золотистое тело. Он бросился к ней, и в этот момент заметил хозяина квартиры. Игорь сидел в кресле, за своим письменным столом, откинув голову. Все лицо друга залила кровь. Тимофей шагнул к креслу, дотронулся до его руки и ощутил мертвенный холод. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не закричать. Немного постоял, справляясь с сердцебиением, наклонился, поднял Галю, отнес ее на постель, затем побежал в ванную, смочил водой полотенце, вернулся и растер ей грудь,

лоб. Галя открыла глаза:

– Он еще там? – Она спросила едва слышным шепотом.

Он понял и кивнул:

– Одевайся. Я сейчас позвоню. – Она не ответила, но попыталась подняться. Он подал ей руку. Когда она встала на ноги, выбежал в прихожую, достал из кармана плаща мобильный телефон и набрал номер милиции.

Горенка. Конно-прокатная ферма

В окрестностях Киева.

12 ноября 2010 года.

Министр обороны Никола Вениаминович Дыбенко пригласил двоюродного брата на верховую прогулку и теперь топтался возле оседланной лошади, приноравливаясь на нее забраться. Рядом с конюшнями стояли три джипа. Охрана, стеснительно наблюдая за нерешительными действиями босса, оставалась возле машин, и только их начальник, Виктор Заруба, возвышался своим мощным торсом над фигурой хозяина. Брат министра, Петр Макарович Дыбенко, ловко вскочил в седло

– Ты, Никола, вечно выкинешь финт ушами. В такую погоду только верхом кататься... – И хоть лицо его сохраняло маску отвращения, справлялся с лошадыю он куда сноровистей сановного брата.

– Не скули, Петро. Верховая прогулка в любую погоду по-

лезна. И в лесу поговорить можно. На деревьях Лазовой прослушки не поставит. Бюджет СБУ ему не позволит.

Виктор Заруба посадил хозяина и, вложив ему в руки повод, спросил:

– Вас сопровождать? – Начальник охраны обладал зверской силой, но соображал туго. Никола Вениаминович ценил Зарубу за эту силу и преданность. Тот, не раздумывая, мог убить человека одним ударом кулака.

– Можешь нас сопровождать, Витя, но на расстоянии. Вы нас видите, мы вас нет.

Охранник уважительно кивнул и пошел открывать ворота. Он весьма гордился, что министр обороны, его хозяин, беседует с ним на равных. Но Заруба знал свое место и дистанцию соблюдать умел. Проводив удаляющиеся фигуры подозрительным взглядом маленьких бесцветных глаз, он побежал к машинам и уселся в головной джип. Охранники расселись в два других, и три джипа, дождавшись, пока всадники удалятся на приличное расстояние, медленно покатились следом.

Кроме двух братьев, охотников скакать верхом сегодня в Горенке не нашлось. Братья Дыбенко легкой рысцой пересекли пустынное поле, и Петр Макарович пришпорил своего скакуна. Его конь перешел в карьер, выбрасывая из-под копыт комья мокрого снега. На Украине установилась оттепель, и проселок начал подтаивать.

– Эй, нельзя ли потише!? – Крикнул вдогонку брату Ни-

кола Вениаминович: – Не на скачки собрались.

– Дай жеребчикам разогреться. Застоялись за ночь горемыки. – Ответил Петр Макарович, но коня осадил и любовно похлопал по холке. К лошадям и собакам, в отличие от людей, он испытывал нежность.

Минут десять всадники трусили молча. Сзади медленно катили джипы с охраной. За полем начинались парки Пущи Водицы. В этом пригороде Киева промышленных объектов не строили. Дубравы, чистый воздух и каскады прудов создавали рядом с мегаполисом зеленый рай. Недаром здесь купали участки киевские богачи, и правительство Украины давно имело свои летние резиденции.

На дорожке, проложенной по берегу пруда, наездники перевели лошадей на шаг и пустили рядом.

Никола Вениаминович начал беседу с упрека:

– Судя по твоему звонку из Москвы, ты все просрал.

– При чем тут я? Этот кретин уперся.

– Не того выбрал и сорвал хорошее дело. Хоть следов не оставил?

– Ты же меня знаешь. – Ухмыльнулся Петр Макарович и, чтобы не удариться о сучковатую ветку дуба, пригнул голову.

Никола Вениаминович тяжело вздохнул:

– Ты меня оставил без выбора. Теперь одна дорога, придется вступать в «Национальный реванш».

– Ну и в чем проблема? Силовой вариант куда вернее. Чего ты трусишь? Я же вступил, и, видишь, пока жив.

Возле мостика Петр Дыбенко придержал свою лошадь, пропуская брата. Для двух наездников горбатый мостик оказался узковат. Джипам охраны пришлось объезжать стороной, но водители прибавили скорость и опять замаячили сзади.

– Тебе все равно, а я министр обороны. – Ответил Никола Вениаминович, дождавшись, когда попутчик снова окажется рядом.

– Пока, министр. – Многозначительно изрек Петр Макарович.

– Что будет потом, один Господь знает.

– И еще ребята из Национального реванша. – Ехидно уточнил родственник.

– Боязно мне, Петро. Слишком она хитрая. Может опередить.

– Эта сука тебе верит. А если она человеку верит, можешь быть спокоен, проверять не будет.

– Так-то оно так. Но есть один момент. Тут в Киев три американских генерала прилетают. Правда, неофициально, но все равно их визит от нее не скроешь.

– Зачем прилетают? – Живо заинтересовался брат министра.

– Пока сам не знаю. Но в разговоре мне намекнули, премьершу хорошо бы к ним не подпускать. Я договорился с президентом. Он устроит загородный прием и ее не пригласит. Там можно будет спокойно с американцами пошептать-

ся.

– А кто переводчик?

Никола Вениаминович оглянулся на джипы охраны, словно опасался, что его услышат. Но внедорожники выдерживали дистанцию, и министр успокоился:

– Один из них говорит по-русски.

– Ну и считай вопрос решенным.

– Не скажи. Даже частный визит генералов Пентагона ее наверняка заинтересует. Мне придется темнить – вот и повод для подозрения.

– Выкрутишься.

– Как знать. Лазовой мне не очень доверяет.

– Натан большая сволочь. Его первым на плакучей иве повесим.

– Как бы он тебя раньше не шлепнул.

– Меня за что? Я простой украинский бизнесмен. Шпионажем не балуюсь, чинов не ищу.

– Ты в политику полез. В партию «Национальный реванш» вступил... А это уже не простой украинский бизнесмен. Кстати, как тебе партия?

– Партии все одинаковые. Верхушка жрет друг друга и рвет куски пожирнее. Простые члены платят взносы и бегают с лапшой на ушах.

– Не с лапшой, а со знаменами и лозунгами. – Поправил брата министр.

– Какая разница. Они все ждут, когда их флаги вместе с

жидами и москалями по всему Киеву развешат. Чернь всегда жаждет кровушки ближнего. Но по библии ближнего нельзя, так хоть иноверца.

– Циник ты, Петро...

– Зато ты у нас, Никола, натура поэтическая. Доллары в рифмы укладываешь.

– Не напоминай, совсем доллар скатился. – Министр обороны смачно сплюнул и потянул повод. Они обогнули пруд и пустили лошадей рысью. Минут десять трусили молча. Когда снова перешли на шаг, Никола Вениаминович спросил у брата:

– Ты сам, Петро, веришь в эту затею?

– Верю, господин главнокомандующий. Сидеть тебе в кресле главы правительства. – Ответил Петр Макарович и пустил своего жеребца в карьер. Министр обороны хотел крикнуть брату, но передумал и поскакал следом. Ему вскоре предстояло испытание, во время которого удержаться в седле будет куда труднее.

Москва. Остоженка.

Квартира Василия Дмитриевича Клименко.

12 ноября 2010 года

Клименко-старший лежал в постели, накрывшись теплым пледом, и перечитывал документ. Сегодня утром он получил его из Германии.

«Сообщаем по вашей просьбе, что генерал-лейтенант Ренц, первый военный комендант Львова, за допущенные беспорядки в городе был расстрелян по личному приказу Адольфа Гитлера». Дальше шли даты и номера приказов. — Выходит, как я и думал, к погрому во Львове в день прихода немцев нацисты отношения имели, а вермахт, скорее всего, нет. Это совместные подвиги эсэсовцев и господина Бандеры...

Василий Дмитриевич Клименко родился в Черновцах. За неделю до начала Второй мировой войны семья переехала во Львов. Отец Дмитрия Васильевича служил офицером, и где ему жить и работать, решали за него.

Наступления армий Третьего Рейха произошли столь стремительно, что военкомат, где служил родитель, едва успел увезти своих сотрудников и часть архива. Эвакуировать семьи военных власти опоздали. Маленький Дмитрий остался с мамой в еще необжитой квартире. День, когда в город вошли части Вермахта, ребенок запомнил на всю жизнь. Это был самый страшный день в его жизни. Ничего страшнее он никогда не видел. Хотя повидать ужасов довелось немало. И дело было совсем не в солдатах вермахта.

Началось с того, что он вместе с соседскими детьми Розочкой и Ефимчиком побежал на улицу смотреть немцев. Те входили в город спокойно. Никакой стрельбы или сопротивления частям неприятеля никто не оказывал. Это были улыбчивые молодые парни в гимнастерках с засученными

рукавами. Народ встречал их цветами. Они улыбались и подмигивали девушкам. Немцы маленькому Васе понравились. Понравились они и его друзьям. Розочка даже получила от немецкого офицера шоколадку. Они втроем бежали домой, чтобы поделиться с родителями своими впечатлениями. Мама увидела Васю в окно, выбежала на улицу, схватила сына в охапку и понесла домой. Из квартиры соседей раздавались душераздирающие крики. Перед их дверью стоял здоровенный мужик с обрезом.

«Ты кто? Наша?» – Спросил он у мамы. «Я Наталья Клименко, а это мой сын», – ответила женщина. «Эти тоже твои?» – спросил мужик, указав на Ефимчика и Розу. – «Это дети наших соседей», – ответила ему мама.

Дальше произошло нечто ужасное. Мужик схватил Розу за руку и прикладом обреза проломил ей череп. Девочка погибла мгновенно. Ефимчик бросился бежать, но мужик одним прыжком нагнал ребенка, поднял за ноги и швырнул вниз головой с лестничного пролета. Вася на всю жизнь запомнил жуткий крик своего маленького друга. Потом наступила тишина. Мужик улыбнулся, поднял с пола шоколадку, подаренную Розочке немецким офицером, и протянул Васе. Мама затащила сына в квартиру и заперла дверь. Ее трясло.

Мальчик тогда не понимал, что происходит и почему гражданские дяди с винтовками и пистолетами врываются в квартиры, вытаскивают женщин и стариков, зверски их убивают. Стоны и крики раздавались повсюду. Часть домов го-

рела. Тогда он впервые услышал об «ОУН».

Это событие отложило отпечаток на всю его последующую жизнь. Василий Дмитриевич Клименко, окончив институт и став историком, много лет пытался разобраться, что представляла собой Организация Украинских Националистов и ее проводник (руководитель) Степан Бандера. Погромы в день прихода немцев во Львов многие связывали с его именем. Теперь Клименко старший знал об этом много, но продолжал наводить справки. Даже Большая война не отвлекла его от главной темы жизни. Кажется, какое дело старому человеку до исторических коллизий родины, которую он давно покинул? Да и его оппонент, академик Иван Гаврилович Ухтомцев, давно умер, и как будто теперь и спорить не с кем. Когда-то Ухтомцев ему бросил обидную фразу: «Вас, хохлов, больше пятидесяти миллионов, и вы единственный столь многочисленный народ Европы, никогда не имевший своей государственности. Даже ваш великий Богдан, выиграв крупное сражение, увел вас от поляков к москалям. Так что и политиков крупных вы не породили. Вот спевать вы умеете, и горилка у вас гарная, а вожди у вас мелковаты».

Эта фраза задела московского украинца за живое, и он занялся вековой историей родины. Степан Бандера его интересовал не только потому, что последние годы националисты опять лепили из него героя. Он считал Бандеру жестким бесчеловечным политиком, но отдавал должное его упорной борьбе с немцами и большевиками. Пожалуй, Степан Банде-

ра первый огнем и мечом заложил основы новой украинской государственности. Это он через поколения довел до наших дней целую систему, способную выжить и спустя поколения претендовать на власть в стране. Но государство, возникшее под флагом ОУН – УПА, Клименко не прельщало. Будучи ученым, старик понимал – национализм плохой фундамент. Опыт немецкого народа послужил тому наглядным примером, и очередной документ из Германии лишний раз напоминал об этом.

Василий Дмитриевич отложил текст и прыснул в глотку лекарственный аэрозоль. Он никак не мог поправиться. Эти затяжные простуды мучили его уже несколько лет. Если заболел в конце зимы, знал – до весеннего тепла с постели не встанет. В этот раз он простудился в ноябре, хорошего это не сулило. И как назло, сын уехал в командировку. Причем не сказал куда. Для порядка поинтересовался у отца, над чем тот сейчас работает. Василий Дмитриевич рассказал о послании из Берлина. От Львова времен оккупации разговор перешел к событиям не столь давним. Они поговорили об Украине периода Кучмы, и Василию Дмитриевичу показалось, что сына его ответы заинтересовали. Но на вопрос, куда едет, тот навел тумана, принес из аптеки пакет с лекарствами и растворился.

«Расти после этого детей!» – с горечью думал одинокий родитель. Правда, эти мысли не были до конца справедливыми. Уезжая, Игорь поручил его заботам друга. Тема с Галей

каждые три дня навещали больного, и проблем с продуктами или лекарствами в отсутствие сына он не имел, да и одиночество особого не чувствовал. Давно научился занимать собственную персону без посторонней помощи. С ним были его мысли и его труды. Василий Дмитриевич высморкался в большой обрывок белой простыни и попытался дочитать текст, присланный берлинским коллегой, но понял – сосредоточиться на деталях далекого события сегодня не может. Тревожные мысли о сыне отвлекали. Родителю почему-то не понравилась командировка Игоря. И вчера утром, когда сын, наконец, приехал, разговора у них опять не получилось. Игорь посидел всего несколько минут, поинтересовался здоровьем отца и, попросив родителя принять на хранение конверт, перевязанный голубой тесемкой, пошел к двери. На пороге обернулся и добавил: «Через некоторое время я его заберу. А если не смогу, передай Теме». Отец возмутился и хотел спросить «Что значит – не сможешь?» Но Игорь уже сбегал вниз по лестнице.

Василий Дмитриевич ждал чадо сегодня, надеясь, что тот придет и расскажет, что все-таки у него происходит и, зачем он куда-то ездил. Чтобы скоротать ожидание, он включил телевизор. Передавали очередное экстренное сообщение. Василий Дмитриевич не слышал начала и не сразу осознал, о чем речь.

«Практически в один день перестали существовать все главные мировые центры науки и культуры. Несколько де-

сятков смертников под видом посетителей сделали свое черное дело», – вещал диктор. На экране замелькали кадры репортажа с дымищихся развалин. Оператор снял ужасные картины, где среди изуродованных трупов, горели книги и живописные полотна. Затем опять появился диктор: «Уничтожены все старейшие университеты мира, все самые известные и уникальные музеи Европы и Америки. Оксфорд и Кембридж, Гарвард и Сорбонна, Лувр, Галерея Уфицы, Музей Метрополитен в Нью-Йорке, наш Эрмитаж, национальная галерея в Лондоне, Дрезденская галерея. За один день цивилизованное человечество лишилось основной части своего культурного наследия.

«Господи, неужели это не сон?» – Вопросил старик. Он не мог поверить, что подобное возможно. Каждый думающий человек на планете, в каком бы месте он не жил, всегда помнил, что в мире есть кладовые человеческого гения, скопившие созданное веками драгоценное наследие. Наследие гениев человечества принадлежит всем. Варвары Аль-Каиды посмели поднять на это свои поганые руки. Клименко почувствовал, как у него холодеет сердце и, когда в дверь позвонили, не сразу пошел открывать. На второй звонок опомнился, подумал: «Вот и сынок! Наверное, уже знает и спешит поделиться ужасными новостями». Ступнями отыскал на ковре тапки, накинул на плечи плед и пошел открывать.

Но в дверях стояли трое незнакомых мужчин. Один в форме капитана милиции, двое в штатском.

– Вы Василий Дмитриевич Клименко? – Спросил капитан.

– Да, а в чем дело? – Поинтересовался хозяин квартиры.

– Разрешите, мы войдем?

– Конечно, заходите. Какой ужас, я не могу опомниться, – ответил старик, пропуская посетителей в прихожую. Они старательно вытерли ноги о коврик и прошествовали в гостиную. Заговорил мужчина в штатском:

– Судя по вашему виду, вы уже все знаете?

– Случайно включил телевизор. Это нечто ужасное. Даже не могу сразу представить себе. Мы отброшены к каменному веку.

– Вы о чем? – Спросил незнакомец.

– О страшном злодеянии. Уничтожены университеты и музеи, погасли очаги света культуры. Мы погружаемся во тьму.

– Да, это ужасно. Наша Третьяковка тоже горит. Кажется, удалось спасти часть коллекции. Но мы пришли не за этим. Я следователь городской прокуратуры, Иван Федосеевич Трутеев. Вынужден сообщить вам скорбную весть. Ваш сын Игорь Клименко погиб.

– Как погиб? Я его вчера утром видел. – Машинально ответил Василий Дмитриевич, еще не осознав смысла услышанного.

– Он погиб в собственной квартире от огнестрельного ранения в голову. По предположению судмедэксперта, это про-

изошло вчера между тринадцатью и пятнадцатью часами. Точнее станет известно после проведения экспертизы.

Старик, наконец, осознал, что речь идет об его сыне. Он побледнел еще больше, выронил плед и опустился в кресло. Капитан милиции успел поддержать старика под руку, ловко поднял плед с пола и укрыл ему колени.

– Понимаю, что вам сейчас трудно, но обязан по долгу службы задать вам несколько вопросов. – Сообщил следователь районной прокуратуры. Клименко не ответил. Тот выдержал паузу и повторил.

– Что вы хотите от меня услышать? – Слабым невыразительным голосом отозвался Василий Дмитриевич.

Следователь уточнил:

– Все, что вы можете сообщить о сыне. О чем он говорил с вами при последней встрече? Не высказывал ли каких-нибудь опасений? Как долго длилась его командировка? Кто ее оплачивал? Нам известно, что последние два года Игорь Васильевич в штате не числился, а писал книги. Нам надо выяснить, куда и зачем он ездил?

– Предполагаю, что он ездил на Украину. К сожалению, больше ничем помочь не смогу. Сын зашел ко мне вчера на пять минут, сообщил о том, что вернулся из поездки. Куда конкретно ездил, не сказал. Зачем тоже.

– А перед отъездом о чем-нибудь намекал?

– Я уже вам ответил. Он говорил со мной об Украине. Интересовался ее историей. Я по профессии историк, и он ча-

сто ко мне обращался за советом.

– Называл имена, фамилии?

– Мы обсуждали политических деятелей времен Кучмы. Его интересовали Ющенко, Янукович и Тимошенко. Не думаю, что вам это поможет.

– Тимошенко премьер-министр Украины, а вовсе не деятель времен Кучмы. – Поправил историка молчавший до этого третий посетитель в штатском.

– Сына интересовала Оранжевая революция в Киеве, а это уже история...

Тот кивнул и снова замолчал, давая возможность следователю прокуратуры закончить со своими вопросами. Трутеев продолжил:

– Может быть, он вам что-либо передавал на хранение? Бумаги, деньги?

– Ничего, – буркнул Василий Дмитриевич. Почему он умолчал о конверте, перевязанном голубой тесемочкой, в этот момент и сам не понимал. Но сын просил передать конверт Теме, а не следователю. И это отец помнил. Следователь Трутеев оставил липкий квадратик розовой бумажки с телефоном, просил звонить, если отец вспомнит что-либо сообщить, и предложил вызвать скорую. Василий Дмитриевич отказался, и посетители удалились.

Он продолжал сидеть в кресле. Странные видения замелькали перед глазами старика. Он видел себя студентом. Вот он выходит на Манежную площадь. В Манеже тогда нахо-

дился гараж Кремля. Огромный черный лимузин медленно выплывает из его ворот, огибает Манеж и удаляется в сторону Спасских ворот Кремля. Университет напротив символа российской империи. И он, украинский мальчик, каждый день смотрит на звезды башен, на стену, за которой работает первый секретарь ЦК Никита Сергеевич Хрущев. Тоже человек Украины, а правит всеми народами огромной страны. Кремль в сознании старика растворяется, и возникает совсем другой мир. Он стоит на Арбате, перед парадным знаменитого родильного дома имени Грауэрмана и ждет Сашу. Она родила мальчика, и сейчас они оба появятся из этих дверей. И она выходит. Василий Дмитриевич принимает малыша из ее рук. Этот маленький человек плод их любви. Они втроем всегда будут вместе. Теперь вся жизнь молодого отца подчинена этому новому, чудом явившемуся на свет, существу. Вот он уже мальчик. Они вместе идут первый раз в первый класс. В руках Игорька букетик ноготков. Они желтые, как листья осени, как само солнышко.

«Все кончено. Теперь я совсем один на этом свете», – эта страшная по своей простоте мысль заполнила все его существо, вытеснив из сознания даже ужасную новость об очередном злодеянии аль-каидовцев. Она одна пока ясно и отчетливо сформировалась в его голове. Осознание и боль утраты придут позже. Он и вправду остался на этой земле один-одинешенек.

Киев. Дом правительства. Кабинет премьер-министра.

14 ноября 2010 года. Одиннадцать тридцать ночи.

Тимошенко поднялась с кресла, глаза ее сделались злыми.

– Эти твари должны сидеть в тюрьме. В такое время рвать страну на части могут только подонки. Пусть отвечают за свои поступки... – Она подошла к окну и молча уставилась на опустевшую площадь. Члены правительства продолжали сидеть за столом, пытаясь не смотреть друг на друга. Они уже три часа томились на совещании, каждому досталось по полной программе и, понимая, что их начальница сильно раздражена, надеялись, что она сейчас закружится. Но надежды министров не оправдались. Юлия Владимировна вернулась в свое кресло: – Как у нас с продовольствием, Михайло Андреевич? Я сегодня видела огромные очереди у гастрономов. И это в столице! А в других городах?

– Что делать, война... – Ответил, не поднимая головы, заместитель премьера.

– Мы пока ни с кем не воюем.

– Пока... – Ухмыльнулся Михайло Андреевич: – Паники еще нет. Армию и внутренние войска кое-как кормим. Северо-восток получает продукты из России. С западом хуже. Поляки каждый день поднимают цены. Наш министр иностранных дел сейчас в Варшаве, но прогресса в переговорах нет. А на такие дотации у государственного банка не хватит

валюты.

– Нам же Евросоюз выделил кредиты на закупку продовольствия?

– У них тоже проблемы. Вы же, Юлия Владимировна, знаете, во Франции дороги перекрыли активисты партии «Новый Восток». Транспорт стоит, аэропорты закрыты. В Лондоне объявлена тотальная мобилизация. Но это привело к полному хаосу. Среди новобранцев полно мусульман. Опять саботаж и диверсии уже на самих военных объектах. Немцы пытаются нам помочь, но у них волнения турецких рабочих. Во всей Европе каждый день гремят взрывы. Только за сегодняшний день смертники «Аль-Каиды» подорвали восемь тысяч человек. А недавним членам Евросоюза, вроде чехов и венгров, самим бы с голоду не умереть...

– А что наши фермеры? Урожай же они собрали приличный.

– Фермеры жмутся. На селе не лыком шиты, соображают, что цены на хлеб каждый день растут. Если им предложить в бартер горючее, можно переломить ситуацию.

– С чего начинали, к тому и приехали. Хорошо, я подумаю. Все свободны. Дыбенко попрошу задержаться.

Уговаривать высоких чиновников не пришлось. Министр обороны тоже было поднялся но, услышав свою фамилию, тяжело вздохнул и опустился в кресло. Тимошенко выждала, пока члены правительства покинут кабинет, подошла к нему и посмотрела прямо в глаза:

– Скажите, Никола Вениаминович, почему делегация Пентагона вылетела в Вашингтон, так и не встретившись со мной?

Министр не сразу нашелся:

– Не знаю, Юлия Владимировна. Наверное, они удовлетворились переговорами с президентом.

– Как это прикажете понимать? В Киев приезжают руководящие деятели из Пентагона и не находят времени объяснить премьер-министру цель своего визита?! У нас уже давно не президентская республика.

– Юлия Владимировна, я затрудняюсь ответить на ваш вопрос. – Пытаясь не отводить взгляда, тихо сообщил министр обороны.

– Хорошо, вы были на переговорах, доложите, о чем шла речь?

– Ничего конкретного. Это был скорее визит вежливости... Президент принимал их на даче. Шашлыки, банька. Отдохнули и уехали.

Премьер-министр редко повышала голос, но сейчас не выдержала:

– Вы меня за дурочку держите!? Америка воюет с половиной земного шара, и высокие генералы летят через океан, чтобы пожать руку президенту Украины и полопать шашлыков?

Дыбенко взгляд все же отвел:

– Американские генералы тоже люди. Им хочется рассла-

биться и отдохнуть от войны.

– И даже не догадываетесь, по какой причине они обошли премьер-министра вниманием?

– Если честно, думаю, потому, что вы отказались посылать наших солдат на Восток...

– А вы не понимаете, почему я это сделала?

– Не очень. Союзники на нас обижены.

– Союзники воюют, и что творится у них дома? Вы же слышали слова моего помощника!

– Но у нас нет такого количества эмигрантов из стран мусульманского мира....

– Допустим. Но как может Украина в данный момент вступить в войну? Вы готовы выставить боеспособную армию, оплатить расходы на ее экспедицию и при этом защитить людей здесь, дома, обеспечив теплом, светом и продовольствием?

– Думаю, сейчас это невозможно....

– Значит, я должна послать наших мальчишек на верную смерть и еще морить их голодом? Что вы молчите?

– Я не нахожу, что вам ответить... – Министр обороны прекрасно знал, зачем прилетали генералы. Они действительно откушали и выпили на даче президента, а потом час катались на лошадях по парку в узкой компании с министром обороны. Но об этом Никола Вениаминович рассказывать не собирался.

– Идите, Дыбенко. Мне кажется, я зря поддержала вашу

кандидатуру.

Министр обороны с покрасневшим лицом поспешил удалиться. Тимошенко вернулась в свое кресло и посмотрела на часы. Стрелки показывали начало первого. В кабинет заглянула секретарша:

– Юля, хотите кофе?

– Я, Надя, горилки хочу. Да нельзя. – Зло сообщила премьер-министр, но вдруг улыбнулась и, по-домашнему потянувшись, добавила: – Прости, Надюшка, эти козлы меня сегодня доконали. За каждым надо как за ребенком ходить. Ладно, хватит об этом. Кажется, на сегодня рабочий день можно заканчивать. Вызови машину к подъезду.

– Внизу Сергей Павлович Снегирь дожидается. Он хочет вас сам домой отвезти.

– Давно?

– Что давно? – Не поняла секретарша.

– Дожидается давно, спрашиваю?

– С одиннадцати часов.

– Бедный Сережа. Ладно, сейчас спускаюсь. Охрану отпусти. С ним я никого не боюсь... Господи, как мало верных настоящих друзей рядом.

– Да, Сергей Павлович за вас всегда переживает.

– Небось, сплетники мне его в очередные любовники приписали?

Секретарша смутилась:

– Сама не слышала. Но при мне такое о вас и не скажут...

– Черт с ними. Была бы я уродиной, тогда бы слухов поменьше пускали. Вот тебе и народная мудрость, не родись красивой... – Она собрала сумочку, на минуту задержалась у зеркала, напудрила носик: – Странно, я еще на бабу похожа. Нет, чтобы рожать детей и холить мужа, вместо этого взвалила на себя страну, дура. Но кому-то же надо хоть фундамент заложить... – Сообщила она своему отражению и быстро вышла из кабинета. Секретарша проводила ее до приемной и, сняв трубку, распорядилась отменить охрану.

Сергей Павлович Снегирь распахнул дверцу лимузина. Рядом с его огромной фигурой премьер-министр выглядела подростком. Он посадил ее на заднее сидение, обошел машину и уселся рядом. Дождавшись, когда водитель тронет с места, спросил:

– Устала?

– Есть чуток.

– И глаза грустные...

– Понимаешь, Сережа, чую носом, президент какую-то подлость задумал. В Киев генералы из Пентагона на два дня прилетали. Ко мне не зашли, словно меня здесь и нет. О чем-то с президентом и министром обороны гутарили. Дыбенко пыталась – о чем? Молчит. Хотя, уверена, скрывает, сволочь.

– Дыбенко мужик скользкий... А на президента не думаю. Парень он веселый, любит хорошо пожить, вкусно поесть, но на подлость, мне кажется, не способен. А что контрразведка?

– Не успела с Лозовым встретиться. При первой возмож-

ности вызову его к себе. Ну, хватит об этом. У тебя ко мне дело или соскучился?

– Хочется соврать... Можно? – Снегирь говорил басом, и хоть его лицо оставалось совершенно серьезным, казалось, что он улыбается.

– Врать не стоит. Сколько мы с тобой уже знакомы?

– Годков тридцать пять. Еще с Днепропетровска...

– Вот видишь, а старым друзьям друг другу врать не гожется... Как Лиля?

– Ничего, свадьбу сына готовит.

– Господи, Стас уже жених!? Как время бежит...

– Чем дальше, тем быстрее. Это как у бегунов на финишной прямой.

– Похоже. Выкладывай, зачем дожидался.

– Помнишь, я тебе говорил, что тут из Москвы журналист объявился?

– Склероза пока нет. Клименко, кажется?

– Он самый.

– Все же вернулся и написал пасквиль о моей безнравственной политической карьере?

– Я же тебе говорил, он все понял и отказался. Убили его в Москве.

– Как?

– Просто, выстрелом в голову.

– Жалко мужика... – Она отвернулась к окну и долго молчала: – Видишь, как получилось. А я так и не нашла времени

его принять. Работы много...

– Не переживай, Юлька. Думаю, это бы его не спасло.

– Кто?

– Пока не знаю. У него есть друг, журналист Тимофей Старков. Они когда-то вместе в газете работали. Он со мной свяжется. Может, с его помощью и докопаюсь.

– Расскажи мне о Клименко. Что это был за человек?

– Мы с Игорем всю ночь просидели. Две бутылки перцовки оприходовали. Умный парень и честный. Ему специально дали адреса, где на тебя помои лили. Все было заранее отретировано. Причем перед каждым интервью он произносил фамилию типа, который якобы рекомендовал принять журналиста. Фамилию ему дал заказчик. Эту фамилию Игорь называл. Я навел справки – подсадная утка. Такого человека не существует. Скорее всего, она служила чем-то вроде пароля.

Юля усмехнулась:

– Серьезная акция....

– Во всяком случае, тщательно подготовленная. Не исключено, заказчик его и шлепнул.

– За то, что отказался на меня грязь лить?

– Скорее всего.

Водитель остановился возле подъезда. Она спросила:

– Зайдешь чаю выпить?

– Час ночи, Юля! Иди спать. Тебе завтра опять спозаранку?

– Завтрашний день проведу в Харькове. Хочу бизнесме-

нов, что продуктами торгуют, собрать. Народ кормить нужно. А ты по своим каналам все же выясни, почему этого Клименко убили. Вдруг обыкновенная уголовщина?

– Это не уголовщина, Юля, это выборы. Кому-то очень не хочется, чтобы госпожа Тимошенко состоялась в качестве премьер-министра и президента в одном лице.

Снегирь сам проводил ее мимо охранников до квартиры и, чмокнув в щечку, вернулся в машину.

– Куда теперь, Сергей Павлович? – Спросил водитель.

– Гони домой. Жена уже волнуется.

– А вы ей позвоните...

Снегирь вспомнил, что отключил свой мобильный, вынул из кармана трубку, включил телефон, но звонить домой не стал:

– Чего зря беспокоить? Вдруг спит. Мы и так через десять минут дома. Ты поднажми лучше.

Повторять водителю не пришлось. Он вдавил педаль газа в пол, и мощный движок семьсот пятидесятого «БМВ» с визгом рванул с места. И в этот же момент в кармане Снегиря раздался Звонок мобильного.

– Сергей Павлович достал трубку и посмотрел на номер, высветившейся на экранчике:

– Да, Саша, слушаю.

– Как ты и предполагал, интервью давали за бабки. Человека, который с ними расплачивался, они не знают. Но по описанию ко всем обратился один и тот же тип. Будем рабо-

тать по приметам.

– Спасибо, Саня. Отдыхай. Уже поздно.... Убрав телефон, Снегирь понял, что они уже приехали.

Подмосковье. Перхушково.

15 ноября 2010 года. Десять часов утра.

Тимофей Старков уехал на дачу и пил водку. Мобильный у него разрядился, шнур дачного телефона он вырвал из розетки, и тишину нарушали только синички. Они прыгали по подоконнику и долбили клювами в стекло. Обычно, если на даче кто-нибудь появлялся, им вывешивали на крыльце кусок сала. В этот раз хозяин о пичугах забыл, и синички пытались о себе напомнить.

В комнатах стоял полумрак, и было холодно. По приезде он один раз истопил печь, украшенную веселыми керамическими изразцами, и больше дров не подкладывал. И хоть на дворе стояла оттепель, дом постепенно промерзал. Пока согревала водка, он на холод не реагировал. Утром притопал сторож Витюшка. Хозяин открыл ему, пустил в дом, налил полстакана водки, заставил молча помянуть друга, после чего выгнал. На вторые сутки Тимофей перестал замечать время, смешав в своем пьяном коктейле день с ночью. Спал по несколько часов, просыпался, выпивал и, пососав обмякший соленый огурец, снова заваливался на тахту. Но видно, холод все же дал о себе знать, и если раньше он предавался

снуду в брюках и свитере, то теперь заваливался на тахту, обмотав горло шарфом и натянув на голову пальто. Время от времени он вслух произносил имя погибшего друга. Они были не только друзья. Они умели молчать вместе. Такое умение возникает лишь между близкими людьми. Когда Старкову становилось тошно, он приходил к Игорю, и если тот работал, усаживался у телевизора и смотрел какую-нибудь чепуху. И обоим становилось тепло от присутствия друг друга. Это чисто мужские дела. К женщине так не придеешь. Ей нужно внимание, восхищение ее прелестями, при женщине приходится выступать, как на сцене. И если умные и образованные женщины говорят, что им это не нужно – они мило лгут. Естественно, для умницы необходимо все это проделывать тоньше, не в лоб. Но все равно нужно. А к близкому другу можно просто придти.

Сегодня на даче появилась Даша. Тимофей как раз проснулся и шарил рукой вокруг в поисках водки.

– Муженек, ты на похороны друга собираешься? – Спросила Даша, брезгливо оценив бомжеватый облик супруга. Тот обвел комнату мутным глазом и сфокусировал взгляд на жене.

– Даша? Как ты здесь оказалась? – Вопрос не звучал слишком нелепо. Жена на дачу одна не приезжала. И без машины добираться канительно, и застать мужа с его подружкой ее не прельщало.

– Так и оказалась. Попросила Славика, он меня привез.

Сегодня же похороны Игоря.

– Уже сегодня?

– Ты не расслышал?

– Почему раньше не приехала?

– Не хотела мешать голубкам. Откуда мне знать, что ты без своей красавицы. Да и надеялась, сам сообразишь. – Он побил себя по щекам, медленно поднялся. Она наблюдала не без иронии: – Вообще, ты ведешь себя странно. Старик Клименко остался один на один со своим горем, а ты здесь водкой себя накачиваешь. Мельчаешь, милый. Раньше ты к друзьям серьезнее относился...

Он не ответил. Пошатываясь, отправился в кухню, умылся, издавая мычащие звуки, вернулся в комнату:

– Поехали.

Даша имела практический склад ума, и все предусматривала заранее. На заднем сидении машины лежали цветы и черный костюм мужа. Она уселась на переднее. Он, отодвинув цветы, устроился сзади.

– Привет, Славик. Спасибо.

– За что?

– За то, что приехал. – Тимофей был в курсе чувств Славы к его Даше. Он даже им напевал «Слава любит Дашу, а Даша любит кашу». Их история тянулась со школьных лет. Ни ревности, ни неприязни отношения жены с одноклассником у него не вызывали. Зная фригидность супруги, Славе он мог только посочувствовать. Тимофей представлял себе, как же-

на, сморщившись от отвращения, разрешает любовнику себя раздеть. Потом просит, чтобы он не слишком долго предавался блаженству. И если ее требования не ускоряли процесса, безжалостно отпихивала его на полпути в рай.

– Ты чего там размечтался? Домой мы заехать не успеем. Так что переодевайся в машине. – Сурово напомнила Даша мужу.

Слава выжимал из своей «Волги» сотню, и переодеваться, трясаясь на заднем сидении, Тимофею оказалось затруднительно. К тому же длительное пьянство повлияло на реакции организма, и он никак не мог попасть ногой в штанину. Но вскоре их остановил первый военизированный пост. На подъезде к столице с начала Большой войны они стояли каждые два километра. Машину тщательно обыскали и проверили документы водителя и пассажиров. Пока стояли, Тимофей с брюками справился. Пришлось объяснять спецназовцам, почему в машине происходит смена туалета. Жена протянула Тимофею расческу:

– Причешись. На похороны понаедут репортеры. Попадешь с такой рожей в газету, меня на работе засмеют.

На кладбище приехали с опозданием. Когда подошли к месту, гроб уже опустили. Тимофей Анатольевич пробился к могиле в тот момент, когда провожающие бросали в яму комья земли. Он поспешил к Василию Дмитриевичу и обнял старика.

– Простите, отец. Меня так этошибануло, что из жизни

вырубился. Жена с дачи привезла...

– Ничего, Тема. Мне твоя Галя очень помогла. Не знаю, как бы без нее справился. Она у тебя золото.

Тимофей оглядел толпу. Галя стояла в сторонке, делая вид, что его не замечает. На похоронах присутствовало человек шесть школьных друзей Игоря. Их жизни давно разошлись, и отношения заменяла привычка и магическое слово «друг детства». Среди «друзей детства» Тимофей увидел полного краснолицего мужчину, страдающего одышкой. Было видно, что ему тяжело так долго стоять, и он думает – поскорее бы это все кончилось, и он бы смог опустить свою тушу на стул, или кресло. За ним скорбел длинный моложавый субъект в очках. Тимофей помнил, что очкарика зовут Лево́й, и он разводит аквариумных рыбок. Слева от аквариумиста утирал слезы маленький неряшливо одетый человек. Его звали Бобом. Боб был на три года старше Игоря, но учился с ним в одном классе. Боб являл собой классический пример второгодника. Игорь с ним, по доброте душевной, дополнительно занимался математикой, и тот пронес благодарность к интеллекту однокашника до его гибели. За Бобом, прячась за спины других боролась со своим горем Марина Лившиц. Эта невзрачная молодая женщина всю жизнь любила Игоря, хотя он при одном упоминании ее имени бледнел от ужаса. Марина так и не вышла замуж, продолжая страдать и любить. Тимофею иногда казалось, что эта женщина выбрала себе неразделенную любовь, как другие

выбирают хобби. Еще дальше, в узком проходе между памятниками, Старков заметил двух странных парней. Они резко отличались от всех, кто пришел проводить Игоря Клименко. Тимофей не сумел даже определить, чем. Парни были прилично одеты и держались скромно, но это были представители иного мира. Сделать вывод из мимолетного наблюдения Тимофею не удалось. Старик положил руку ему на плечо:

– Тема, ты после поминок мне напомни. Игорек для тебя кое-что передал. Милиция спрашивала, но им я не сказал об этом.

– Что передал? – Спросил Тимофей. Но ответа не получил. Нервы несчастного родителя сдали, и он беззвучно плакал.

Когда медленной процессией все возвращались к машинам, один из странных парней Тимофея окликнул.

– Братан, ты Старков?

Он отозвался не слишком любезно:

– Да, я. И что из этого?

– Не залупайся, пацан. Нас прислал Сергей Павлович Снегирь? Слышал о таком?

– Не довелось.

– Это неважно. Они с Клименко познакомились в Киеве и там закорешились. Твой друг о тебе Снегирию рассказал, и о твоей крале тоже.

– Что же он рассказал?

– Все. У тебя с Галей по-серьезному. Но у вас нет бабок

на хату. Снегирь вам поможет.

– За что?

– Сергей Павлович просил выяснить, не знаешь ли ты, кто шлепнул журналиста?

– Откуда мне знать? – Искренне удивился Тимофей: – Если знал, сказал бы следователю. Нас с Галей час на квартире допрашивали.

– Ментам можешь не говорить. А Снегирю скажи. Он с этими гадами разберется.

– Что я могу сказать? Думаешь, они мне по почте признание доставят?

– Мало ли как дело пойдет. Ты же ближайший кореш Клименко. Они могут и тебя шлепнуть. – Усмехнулся молодой человек и внимательно огляделся по сторонам.

– За что? Денег у меня нет, и я в бандитские игры не играю.

– Твой друг тоже не играл, а видишь, как получилось. Как говориться, от тюрьмы и сумы... Мы тут заметили одного чмыря. Толик за ним пошел, а я с тобой остался. Доведу тебя до дому, а там уж сам хоронись. И вот тебе номерок Сергея Павловича. Понадобится помощь, звони днем и ночью.

– Спасибо. – Тимофей спрятал визитку в карман и хотел сказать, что вряд ли позвонит. Но парень как сквозь землю провалился.

С кладбища два автобуса и вереница машин с траурными ленточками покатили в центр. Поминали Игоря Клименко в

ресторане дома журналистов на Никитском бульваре. Даша и Слава туда не поехали, и Тимофей сел за стол рядом с Галей. Среди собравшихся он насчитал с десятков общих знакомых. Неверного мужа это не тревожило – связь двух любовников давно перестала быть «секретом для маленькой компании».

Люди поднимали бокалы и говорили слова. Это были хорошие слова, и говорились они искренне. Издатель фантастических романов Игоря, полненький лысоватый Пчелкин, даже прервал свою речь. У него пропал голос, и все ждали, когда голос вернется.

Боб тоже пытался сказать тост, но он так и остался по жизни второгодником и выражать мысли не научился. Любитель аквариумных рыбок, наоборот говорил мало, но с чувством и болью. Тимофей даже уважал очкарика. Дольше и нуднее всех вещала Марина Лившиц. Все понимали, что мертвый Клименко заткнуть фонтан ее душещипательные воспоминания не сможет, и опускали глаза к тарелкам.

Блиzkих друзей, кроме Тимофея, у покойного не было, но хороших знакомых он приобрел в избытке. Собравшиеся отдавали себе отчет – из жизни ушел честный, смелый человек. Таких людей в их кругу день ото дня становилось меньше, и осознавать это всем было грустно.

После поминок Тимофей с Галей поехали к Василию Дмитриевичу. Галя опасалась, что старик еще не выздоровел и похороны сына его доконают. Но несчастный отец, наоборот, собрался, и болезнь отступила.

– Хотя вы меня теперь не бросайте, – сказал он Гале и обнял ее, как дочку.

– Не беспокойтесь. Мы с вами. – Обещала Галя. Она не плакала у могилы, да и сейчас ее глаза оставались сухими. Но по расширенным зрачкам Тимофей понял, что его подруга не в силах отойти от ужасной сцены в кабинете убитого. Он сам никак не мог избавиться от страшного видения. Даже водкой стереть жуткую картинку не удавалось. Он мысленно опять притрагивался к руке Игоря и снова ощущал мертвенный холод, исходивший от нее. В прихожей Василий Дмитриевич опять обнял Галю и обратился к Тимофею:

– Женитесь поскорее. Зачем с Дашей тянуть, раз у тебя с ней семейная жизнь не сложилось. Хорошо, что детей не завели.

Галя смутилась и залилась краской:

– Нам жить негде...

– Живите у меня, – неожиданно предложил Василий Дмитриевич: – Квартира большая, я вам в тягость не буду...

– Зато мы вам будем. – Улыбнулся Тимофей.

Прощаясь со стариком, он напомнил Василию Дмитриевичу о его просьбе, прозвучавшей на кладбище. Тот вышел из гостиной, и они с Галей, не сговариваясь, переглянулись. Походка Клименко-старшего изменилась. Он удалился мелкими старческими шажками, хотя накануне передвигался как сильный здоровый мужчина. Вернулся с конвертом в руках:

– Вот, сын просил это передать тебе, Тема. Я туда не заглядывал. Но если это не ваша личная тайна, поделись потом со мной, что там внутри.

– У нас с Игорем от вас тайн не было.

– Выходит, были. Иначе бы выложил, с чем приехал.

– Сын вас волновать не хотел. – Успокоил Тимофей и тут же развязал голубую тесемку. В конверте хранились две газеты на украинском языке и короткая записка: «Тема, это, конечно, смешно, но если мой отказ от работы заставит их со мной разделаться, у меня есть только мобильный телефон и имя заказчика. Хотя я думаю, что он настоящее свое имя от меня скрыл. Свяжись с Сергеем Павловичем Снегирем, который живет в Киеве. Я весь материал оставил у него. Обработай и опубликуй в своей газете. Ты мой единственный настоящий друг, и только к тебе я могу обратиться с подобной просьбой». На другой стороне рукой Игоря был записан номер тамр мобильного телефона и имя «Иван Иванович».

– Читайте, – Тимофей протянул записку Василию Дмитриевичу и убежал в ванную плакать. Он знал, что ушедшего из жизни друга ему никто никогда не заменит. Умывшись холодной водой из крана, он вышел, обнял Василия Дмитриевича: – Я вам обещаю, отец, найти убийцу Игоря.

– А что это теперь изменит? – Грустно спросил старик.

– Для меня изменит. Буду знать, что наказал эту гадину.

Вечером из дома он позвонил Сергею Павловичу Снегирю и сообщил, что первым утренним рейсом вылетает в Киев.

Воздушное пространство Украины. 16 ноября. Борт самолета премьер-министра.

Они уже пятнадцать минут находились в воздухе. Как только самолет набрал высоту и взял курс на Харьков, стюардесса принесла кофе:

– Юлия Владимировна, может быть, позавтракаете?

– Спасибо, Ирочка, но в восемь утра я есть не могу. Какая у них погода?

– В аэропорту прибытия дождь со снегом. Температура около нуля.

– Гадость... – Поежилась премьер-министр. Тимошенко не любила промозглой сырости.

– Да радости мало. – Виновато согласилась стюардесса, словно плохая погода зависела именно от нее. Отпустив девушку, премьер-министр глотнула кофе и поглядела в иллюминатор. Над ними, в ярком синем небе светило солнце, а под ними белым ковром распластался плотный слой облаков. «Даже не верится, что там такая мразь», – подумала Тимошенко, и еще она подумала, что под крылом самолета, там внизу на мокрой, раскисшей от оттепели земле, живут люди, которые на нее надеются. Еще два года назад они не были столь единодушны. И только когда страна оказалась на грани катастрофы, за нее проголосовало подавляющее большинство. Она стала их последней надеждой. Если бы хоть на

год раньше, когда не начался этот хаос, и Большая война шла еще далеко от их дома, сколько бы она успела сделать...

До посадки в Харькове оставалось тридцать три минуты. Опустошив чашку кофе, она разложила на столе стопку газет и углубилась в новости. С первых страниц европейской прессы веяло кошмаром – искореженные здания, изувеченные трупы. К фотографиям подобного рода люди начинали привыкать. Пятьсот, тысяча погибших уже не воспринималось как нечто-то ужасное. На фронтах Ближнего и Среднего Востока гибло больше. Пролистав несколько изданий стран Евросоюза, Тимошенко перешла к прессе украинской. Газеты писали о продовольственных проблемах, о нехватке света и тепла. Но о жертвах среди населения от холода или голода не сообщали. Из всех центральных изданий только газета «Мисто» вскользь упоминала о визите в страну делегации Пентагона. Внимательно прочитав небольшую заметку, Тимошенко решила связаться с начальником СБУ и назначить ему встречу на восемь часов вечера. К этому времени она собиралась вернуться в столицу. Вызвав помощника, попросила его соединить ее с Лозовым. Тот кивнул и вышел.

Пробежав глазами передовицы украинских газет, Тимошенко перешла к прессе русской. Россия теперь прикрывала ее страну от черного вала «Аль-Каиды». Если раньше Юлия Владимировна часто думала о Кремле с обидой и раздражением, теперь желала славянскому соседу не допустить того, что произошло в Европе. Там фанатичные сторонники пар-

тии «Нового Востока» взрывали государственный порядок изнутри. Пока Россия держалась, и даже на ее среднеазиатских границах происходили события, внушающие некоторую надежду. Передовица «Известий» сообщала, что военный переворот в Узбекистане получил отпор. Узбекский президент собрал в Ферганской долине значительные силы из верных ему частей и начал контрнаступление на мятежников. Андижан, Фергана и Коканд уже очищены. Верные президенту войска продвигаются к Ташкенту.

Премьер-министр Украины понимала, что без помощи русских это контрнаступление вряд ли бы состоялось. Держался и Казахстан. Там тоже имели место попытки свергнуть законное правительство, но население религиозных фанатиков не поддержало.

«Комсомольская Правда» поместила на первой странице репортаж из Еревана. Российские пограничники совместно с частями регулярных сил Армении отразили несколько попыток вооруженных отрядов иурецких экстремистов перейти границу. Ночью бои прекратились. Но это было временное затишье. Турция уже вступила в войну на стороне «Аль-Каиды», и в Армении готовились к худшему.

В салон вошел помощник:

– Юлия Владимировна, Лазовой на связи. Но он сам хочет сообщить вам что-то серьезное.

Тимошенко взяла трубку:

– Что случилось, Натан?

– Формирования террористов «Аль-Каиды» высадили крупный десант в Батуми. В Грузии паника. По моим сведениям, около десяти тысяч человек на всевозможных плавсредствах направляются к нам. Это первая волна беженцев. Думаю, что за ней последует вторая и третья.

– Почему к нам, а не в Россию? Туда же ближе.

– В Сочи и Краснодарский край движется не меньше.

– А где президент Грузии? Где правительство? Со мной никто из Тбилиси не связался.

– По неутонченным данным, президент Грузии и группа его министров вылетели в Вашингтон для консультаций.

– Я тебя поняла. Куда плывут беженцы?

– В Крым, предположительно в Одессу.

– Спасибо, Натан. Через час тридцать я тебя жду в своем кабинете.

– До встречи, Юлия.

Отключив связь, Тимошенко нажала кнопку вызова бортпроводницы. Девушка тут же появилась.

– Ирочка, передай пилоту, чтобы изменил курс. Мы возвращаемся в Киев.

– А в Харьков мы сегодня уже не летим? – Спросила девушка.

– Нет. После обеда мы полетим в Одессу. – Бортпроводница кивнула и поспешила в кабину к летчикам.

Киев. Аэропорт «Борисполь».

16 ноября 2010 года. Девять часов утра.

Тимофей Старков вышел на площадь и сразу признал Сергея Павловича. Снегирь стоял, широко расставив ноги, и говорил по мобильному. Они оба узнали друг друга, хотя внешность по телефону описали не слишком подробно.

«Выйдешь из дверей и увидишь здорового мужика. Это я и буду», – сказал Тимофею киевлянин накануне перед вылетом. «А меня вычислишь по морде. Три дня не просыхал, еле душа в теле», – ответил ему Старков.

– Морда у тебя уже вполне... – Разглядывая приезжего, улыбнулся Сергей Павлович, и спрятал трубку в карман: – А что касается восстановления духа, так лучше горилки человечество еще ничего не придумало.

Пока они здоровались, молодой человек ловко выхватил у Старкова маленький чемоданчик и поспешил с ним к стоянке.

– Эй, погоди, ты куда? – Возмутился москвич.

– Не бойся, это мой водитель. Ему твои шмотки без надобности. Уважительность хлопец проявил... – Снегирь взял Тимофея под руку и довольно решительно повел в том же направлении: – Сейчас я тебя покормлю, а потом решим, что делать.

– Я вроде не успел проголодаться, – не очень уверенно возразил московский гость.

– Это твои проблемы. А мои, хозяйские, – прилетел че-

ловек, ты его накорми, напои, а потом пытай. Знаешь наши сказки про Бабу-Ягу?

Тимофей Анатольевич понял, что с этим мужиком спорить бесполезно, и послушно уселся в машину.

Они выехали на шоссе и остановились. Дорожный инспектор перекрыл движение. Стояли минут десять. Прямо перед ними пронесся кортеж из пяти лимузинов, и инспектор разрешил вырулить на трассу.

– Кажется, Юля поехала? – Удивился Снегирь. Странно, она же должна быть в Харькове?

– Вы о чем? – Не понял Тимофей.

Сергей Павлович наморщил лоб и не ответил. Минут десять ехали молча. Затем Снегирь медленно произнес:

– У меня была думка махнуть в Москву на похороны Игоря, да решил, его друзья не одобрят. Слишком мало мы знакомы. Хотя, веришь, Тема, с одним человеком долгие годы вместе, а души не сливаются. А с твоим другом мы всего одну ночь погуляли, и я к нему душой прикипел. Что-то нас обродило. И еще одно меня в нем дюже порадовало – он хоть в Москве с рождения, на мове чешет, пошибче иного киевлянина...

– Да, украинский язык Игорек любил. Загуляв, пел только ваши песни. В душе он всегда себя украинцем считал...

– Жалко мужика. Интересно, как на него эти гады вышли?

Тимофей хотел ответить, что ничего об этом не знает, но перед тем как открыть рот, заглянул через плечо водителя

на панель управления. Стрелка спидометра дрожала возле отметки сто семьдесят:

– Не слишком ваш хлопец увлекся, дорога-то скользкая?

– Санько свое дело знает, – усмехнулся Снегирь.

Они переехали мост через Днепр и вырулили на Старо-Обуховское шоссе. Тимофей смотрел в окно, стараясь понять, где они находятся. Но днепровские дали, как и купола киевских соборов, растворял туман из дождя и мокрого снега.

– Куда мы едем? – Поинтересовался москвич.

– Ко мне домой в Конча Заспу. Слышал про такое местечко?

– Слышал. Там дачки всех ваших олигархов. Ты один из них?

– Не задавай лишних вопросов. Сядем за стол, я тебе сам про себя все расскажу. А ты мне пока опиши свои фронтовые подвиги. Игорь рассказывал, что тебя под Баку ранило...

– Чего описывать? Война везде война. – Поморщился Тимофей: – Убивают люди друг друга и еще этим гордятся.

– Убивают не только на войне. – Вздыхнул Снегирь: – Что же, ты думаешь, Азербайджан падет?

– Уверен, что нет. Вот вам пример нормальной человеческой логики. До войны Баку и Ереван чуть ли не смертельные враги, а пришла Аль-Каида, встали рядом и дерутся вместе. И религия не помешала, и прежняя вражда.

– Азербайджану еще тогда повезло. Алиев был мудрый

мужик, и сынок его тоже. Да и теперь президент с головой. От хозяина многое зависит... Вот и приехали.

Водитель пультом открыл стальные ворота, и они медленно закатали на участок. Дом Снегиря оказался под стать его могучей фигуре – двухэтажный, из красного кирпича с широкой парадной лестницей. Водитель выскочил из машины и раскрыл дверцы.

– Хороший домик, – улыбнулся Тимофей.

– Ничего, не жалуюсь. – Согласился хозяин: – Но здесь есть и покруче.

– Например, у госпожи Тимошенко?

– У Юли? Смеешься? У нее по сравнению с моим – хибарка. Юля никогда понтов не любила. У нее и квартирка, как у большинства киевлян в типовом доме. Не выносит она показухи. Да и расслабляться в апартаментах у нее времени нет. Она трудоголик. Я ее больше тридцати лет знаю, и все эти годы она работает по двадцать часов в сутки. Не пойму, как организм выдерживает. С виду воробушек, а внутри сталь...

Тимофей почувствовал, что, заговорив о Тимошенко, он затронул неведомые струны в сердце Снегиря, и решил от дальнейших вопросов воздержаться.

В холле их встретил молодой человек. По росту и выражению лица Тимофей тут же определил, что видит наследника.

– Знакомьтесь, мой сын Стас. – Представил Снегирь свое чадо. Стас пожал гостю руку и обратился к отцу:

– Батя, слыхал новость? Аль-Каида напала на Грузию. К

нам плывут тысячи беженцев.

– Вот в чем дело... – Протянул Сергей Павлович: – Теперь я понимаю, почему Юля ни в Харькове. Ладно, что бы не произошло на свете, а гостя с дороги полагается кормить. – Он помог Тимофею раздеться и, взяв его за локоть, повел в глубины своего дома.

Киев. Шестнадцатое ноября.

Кабинет премьер-министра. Десять тридцать утра.

Тимошенко сидела в кресле, так и не сняв пальто. Она держала в руках обыкновенный калькулятор и кончиком шапковой ручки нажимала кнопки. Машинка делила, складывала и умножала. Цифры со многими нулями прыгали на маленьком экранчике, и их пульсация выглядела со стороны детской игрой. Но за этими цифрами стояли человеческие жизни. Юлия Владимировна имела ученую степень экономиста и даже без калькулятора понимала – беженцы из Грузии лягут непосильным бременем на бюджет республики. Отложив машинку, она сняла трубку прямого телефона президента Украины.

– Здравствуй, господин президент. Ты мне ничего сказать не хочешь?

– Привет, Юля. Я сейчас на охоте, могу сказать, секача завалил. Хороший был выстрел.

– Поздравляю. Но к нам плывут беженцы из Грузии.

– Мне доложили. Но ты же на месте. Я тебе доверяю.

– Не всегда доверяешь. Почему ты меня на встречу с американцами не пригласил?

– Мы немного вместе оттянулись и никаких серьезных вопросов не решали. Я знаю, что ты не любишь празднично проводить время, и не стал тебя отрывать.

– Как мило с твоей стороны. Спасибо за заботу...

– Пожалуйста.

Закончив разговор, она вызвала секретаршу.

– Да, Юлия. Я вас слушаю.

– Надя, набери Михайло Андреевичу, пусть соберет совет министров сегодня на шесть вечера, и спикера Рады пригласит. И попробуй соединить меня с кем-нибудь из грузинского правительства. Не все же они улетели в Америку.

Через минуту на столе Тимошенко звякнул телефон. Она сняла трубку.

– С вами говорит премьер-министр Украины. Кто на проводе?

– На проводе Георгий Хаиндрава.

– Здравствуйте, Георгий Леванович. Вы, кажется, ушли в отставку?

– Здравствуйте, Юлия Владимировна. Президент попросил меня в его отсутствие возглавить комитет по эвакуации и исполнять его обязанности, и я вышел на работу.

– А кто кроме вас из членов правительства остался в Тбилиси?

– Из кабинета министров двое, я и министр обороны. Но в Тбилиси его сейчас нет. Он на фронте.

– Что у вас происходит?

– Поти, Батуми и часть западной Грузии уже занята Аль-Каидой. Эти звери взрывают наши храмы и отрезают мирным жителям головы. В республике паника.

– Что делает армия?

– У нас нет возможности остановить агрессора. Их около миллиона, и они прекрасно вооружены. Отдельные участки, давая возможность населению покинуть свои дома. Наши части удерживают. К вам уже плывет большое количество судов с беженцами. Очень прошу, примите их по возможности без бюрократических проволочек. Многие без документов. Люди не успели их взять.

– Не беспокойтесь, сделаю все возможное.

– Спасибо. Надеюсь, что наш президент сумеет уговорить Белый дом направить в Грузию войска.

– Я тоже на это надеюсь. А вы не пытались говорить с Москвой?

– Президент России мне сам позвонил и предложил помощь.

– Так воспользуйтесь его предложением.

– Я связался с нашим президентом. Ответа из Вашингтона пока не получил, а самостоятельно, по статусу, не волен принять такое решение.

– Чем я в силах помочь, кроме приема беженцев? Вы же

понимаете, что вступать в войну с Аль-Каидой мы сейчас не готовы.

– Это я понимаю. Если бы вы подняли истребительную авиацию хотя бы для психологической поддержки тех, кто в море, я был бы вам благодарен. Опасаюсь, что штурмовики агрессора попытаются утопить суда беженцев.

– Постараюсь, Георгий Леванович. Вы сами не подвергайте себя опасности.

– Я уйду из Тбилиси последним. Всего хорошего, Юлия Владимировна.

Положив трубку, Тимошенко на минуту задумалась и связалась напрямую с Кремлем. Басовитый говорок русского президента она узнала сразу.

– Здравствуйте, Юлия Владимировна. Вы по поводу Грузии?

– Как вы догадались?

– Не надо отказывать руководителю ста пятидесятимиллионного государства в элементарной сообразительности.

– Извините, господин президент, я не хотела вас обидеть. В Черном море суда с беженцами из Грузии. Хвиндрава опасается бомбежек Аль-Каиды.

– Я говорил с Георгием Хаиндрава и в курсе вопроса. Наша авиация уже в воздухе.

– Спасибо, господин президент. Как хорошо, если бы мы всегда понимали друг друга с полуслова.

– Это зависит от вас. Женщина по этикету протягивает

руку первой.

– Считайте, что я уже протянула.

– Буду рад в любое время видеть вас в Кремле. Обстановка в мире требует незамедлительных консультаций.

– Благодарю за приглашение. Уверена, скоро им воспользуюсь. – Положив трубку, Тимошенко поняла, что ей жарко. Она сняла пальто и повесила в шкаф. Не успела вернуться в кресло, вошла секретарша:

– Юля, Натан Маркович в приемной.

– Пригласи и больше никого не пускай. – Секретарша кивнула, но осталась на пороге.

– Что-нибудь еще?

– Юлечка, что же теперь будет?

– Ты о чем, Надюша?

– О грузинских беженцах. Говорят, их десятки тысяч. И всех надо накормить и устроить. А сейчас зима.

– Ну и что?

– Это же огромные средства!

– Я уже посчитала. На первую неделю понадобится около шестидесяти миллионов долларов.

– Где же вы их возьмете?

– Надя, ты забыла, я же богатая женщина...

– Вы дадите свои?

– Пока не знаю. Но не умирать же людям с голоду... Все, зови генерала.

Руководитель СБУ и внешней разведки, генерал Натан

Маркович Лазовой скорее напоминал артиста кино, нежели разведчика. Костюм на нем сидел, словно на манекеншике, щеки были идеально выбриты. Он вошел, и вместе с ним в кабинет проник аромат дорого мужского парфюма.

– Присаживайся, генерал. Ты как всегда, словно с обложки журнала.

– Но тебе, Юля, я все равно не нравлюсь. Сколько раз приглашал поужинать, а ты всегда занята...

– Хватит трепаться. Что ты знаешь о Георгии Хаиндрава? По-моему, сегодня это единственный политик Грузии, который не струсил.

– Что ты хочешь о нем узнать?

– Когда я, после победы нашей революции, посетила Грузию, у нас состоялось несколько встреч. Он произвел на меня приятное впечатление. Но, познакомиться поближе, не удалось. Расскажи о нем коротко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.